

Рубрика

УДК _____

«СЛОВО О ПОЛКУ ИГОРЕВЕ» — МАГИЧЕСКИЙ ПОЭТИЧЕСКИЙ ТЕКСТ

Предлагаем вниманию уважаемых читателей предполагаемую первоначальную форму «Слова о полку Игоре» как магического поэтического текста, исполнявшегося под аккомпанемент гуслей. Принципы осуществленной реконструкции вкратце изложены в книге: Мосеник Ю.Л. Поэтическая реконструкция «Слова о полку Игоре» и летописная поэзия. — К., 2006.

Повесть дружинная
о полку Игоре, ^н
Светславля сына,
Ольгова внука

Не пора ли ныне,
братие и дружино,
почти повести
старыми словеса
трудных повестий
о полку Игоре, ^н
Светславля сына,
Ольгова внука?

Почти нам, о дружино,
по былинам сей години,
а не по хотению
годецу!

Годець вей, внук Велесов,
хотече творити песьн[e],
тече белкою по деревеси,
серым волком в темном лессе,
сизым орлом под небеса.
Пом(ь)нешеть бо годець, рече,
первых годин злые сечи.
Тогда пушешеть кречетов
на стадо белых лебедей <оток?>,
кою лебедь дотечеше,
та переди песьн поеше
и старому Ярославу,
и храброму Мь[е]стиславу,
иже пронзи Дедю ножемь
перед полку касожьскими,
и красну Роману,
Светславлю сыну.

Годець не десе^нть кречетов
на сто лебедей (стадо оток?) пушеше,
но свои персты вейше
на живы струны вскладаше,
они же сами пояху,
кнежу славу рокотаху.

Почнем, братье, повесть сию
от стара Володимера
до нынешнего Игоре,
иже стегну ум крепостью,
можеством сердца поостри,
ратна духа наполнився,
наведе хоробры полку
на землю Половечьскую
за землю Руськую.

Игорь позрел на солнце светлое
и видел от него тьмою
все свое прикрыты вои.
Рече Игорь ко дружини:
«Братие и дружино!
Луче посечену <потегу> быти,
неже полонену быти.
Всядем, братие и дружино,
на свои борзы комонь
Да позрим синего Дону».

Спал <а <ъ> кнезю ум по хотению,
и жалость ему знамение
застопи искосити
Дона Великого.
«Хочу копие съломити
конец поля Половечьска,
с вами, русьски витези,

хочу голову съложить,
испити Дону шеломомь».

О го^ндь[е]че, соловию
тыя години старья!
Абы въспёл полкы сиё,
скача бёлкою по древеси,
летя стрёлкою под небеса,
съвивая с^оловеса
обаполы сей години,
рища в по^нти И^нгореви
черес поля на горы.
Пётъ было пёснь И^нгореви,
Све^нтославлю сыну,
Ольгову вьнуку:
«Не буря несе соколы <кречет занесе?>
черес поля широкая –
то стады бёжать галици <вол^оци?>
ко Дону ко Великому».
Чи ли вспёти было, вёчей
Го^ндьче, Велесов вьнуче:
«Комони ржо^нть за Сю(у)рлием,
звони звоне^нть во Киевё.
тро^мбы тро^мбе^нть в Новёградё,
сте^нзи стое^нть во Путивли».

И^нгорь жьдетъ мила брата,
мила брата Всеволода.
И рече буй тур Всеволод:
«Одинь брат, одинь свёт
свётлый еси — ты, И^нгорю!
Све^нтславлича — оба есвё,
Оба есвё Ольговича!
Сёдлай борзыё комони,
а мои ти подковани,
готови со^нть, осёдлани
у Курь[е]ска напереди;
а мои смёли куряни
всё со^нть съвёдоми кьмети:
подо тро^мбами повити,
под шелома възлелёяни,
конецъ копья воскормлени,
с коленых стрёл воспоени,
дорогы имь[е] (со^нть?) вёдоми,
яругы имь[е] (со^нть) знаеми,
луци у них напре^нжени,
тули у них отворени,
мечи у них изострени.
Сами скачо^нть велми быстро,
аки волци в поли чистом,
ищучи себё чести,
а кьне^нзю славы ве^нчей».

Тогда всто^нпи И^нгорь кьне^нзъ
во свои золотъ стремь,
поёха по чистому полю.
Сол^онче по^нть засто^нпи тьмою,
Ночь стоно^нщи ему грозою –
птичь убуди во небёсёх,
свист звёрин в стаи зби в лёсё –
дивь кличьть верху древесю,
велить послушати
зем^нли невёдомё (половецкыё?) –
Волозё и Поморию,
Сурозю и Посулию,
и Корсуню и погану
Тмуроканьску бол^овану.

И побёгоша половци
дорогы неготовыми
ко Великому Донову.
крычатъ телёгы польночи,
рчи, лебёди всполошени.
Притекоша сёры волци
от Дона от великого.
То было не сёры волци,
но погании половци,
хотентъ пройти воюючи,
взенти всю землю Рускую.

К Дону И^нгорь полкы ведеть.
Горе его потскы пасеть¹:
аки птиць под оболоки,
волци воем грозу всрочать,
орли клетком звёри зово^нть,
лисици на кости / щиты брешо^нть.
<птиць убуди въ небесёх, // вьлци грозу
вьсрочать в лёсё>

О свётлое сол^онце Руси,
Ўже за шеломенем еси!

Долго ночь[е] меркла,
зоря-свёт запала,
мьгла поля покрыла.
Щекот соловий успила,
говор галичь убудила.
Русьчия велика сила
поля щиты преградила,
ищучи себе чести,
а кьне^нзю славы ве^нчей.

Рано в пе^нтъкъ потопташа
вражьи полкы половецкы,
рассушьясь стрёлкы, помьчаша

красны дѣвки половецьскы,
 золото и паволокы,
 и дорогыѣ шолѣки.
 Ортъмами и опончицами,
 узорочьи половецьскими
 и кожухы поче^нша
 мостити мосты
 по озером и болотом
 и грязивым мѣстом.

Черлен сте^нг, бѣла хоро^нговь,
 чрлена чолка, сребрно стро^нжье
 Све^нтславличу храбру мо^нжу!

Дремлеть во поли чистом
 Ольгово храброе гнѣздо.
 Залетѣло далече!
 Не буде оно
 Обидѣ порожено,
 ни соколу, ни кречету,
 ни тебѣ, черный вороне,
 поганый половь[е]чине!

Коза бѣжить сѣрымь волкомь,
 Кончак править ему слѣдомь
 ко Дону ко Великому.

Другого дъни рано велми
 кровавы зори вѣстайо^нть,
 сол^нцю свѣт повѣдайо^нть.
 черны то^нчи с моря идо^нть –
 хоте^нть прикрыти два сол^нца.
 Трепечо^нть сини мол^ннии,
 быти грому великому,
 иди дождю стрѣл^нками
 от Дону Великого.
 Ту се^н копьем потрѣщати (поломати),
 ту се^н саблям потро^нчати
 о шеломы половецьскы
 на Сюурлии на рѣчыцѣ (на рѣчыцѣ на

Сюурлии)

у Дону Великого.
 Пасти трупу челоувѣчьску
 во поли во половецьском.

О свѣтлое сол^нце Руси,
 Ёже за шеломенем еси!²

Вѣтри, Стрибожи вьнуци,
 вѣйо^нть стрѣлками съ моря
 на смѣли полкы И^нгоря.
 Земля то^нтнеть, рѣкы мо^нтны,

сте^нзи реко^нть: врази идо^нть
 и от моря, и от Дона,
 и ото всех сторонь
 рускы полкы осто^нпиша³.
 Дѣти бѣсови кликом
 поля перегородиша,
 а хоробри <вите^нзи?> русьстии –
 чер^нлеными щиты.

Яр туре Всеволоде!
 Стоиши на борони,
 прыщещи на ворогы
 стрѣлами колеными,
 гремлеши о шеломы
 мечи харало^нжnymi.
 Камо, туре, поскочѣ^нше,
 ше[о]ломом посвѣчивая,
 тамо лежать посѣчени
 головы половецьскыѣ,
 поскѣпани саб^нлями
 колеными шеломи
 оварьсции от тебе,
 яр туре Всеволоде!

Кая рана дорога,
 забыв чти и живота,
 Чернигова-города,
 отня стола золота,
 своё милыѣ жены,
 красныѣ Глѣбовны,
 свычая й обычая.

Были Трояни сѣчи,
 были лѣта Ярославли,
 были полци Ольгови,
 Ольга Све^нтславлича.
 Тои бо Олег мечем
 коромолы коваше,
 стрѣлы по земли сѣяше.
 Сто^нпает Олег-къне^нзь
 въ золотъ стремень
 въ городѣ Тьмутороканѣ.

Тои же звон слыша
 давный великый Ярослав,
 а Владимир сын Всеволожь
 по вся утра уши
 в Черниговѣ закладаше.
 Бориса жь Ве^нчславлича,
 хоробра кне^нзя и млада,
 на боронь приведе <привлече?> слава,
 и на зеленъ покровъ <траву?>

постла за обиду Ольгову.
Со того же Сюрля
Све^нтополк полелёя
дорогого своего отъца
меж О^нгорьскими йноходьци
ко све^нтои ко Софии
ко городу ко Киеву.

При Ользѣ Гориславличи (Све^нтславли
сынѣ / Све^нтславличи)

сѣяшеться и росте^ншеть,
сѣчами злыми гыняшеть
жизнь Дажьбожа вънука.
в кне^нжих коромолах вѣци
скоротишась человеком.
Тогда по Руской зем^ели
рѣдко орачи кликахо^нтъ,
часто ворони гракахо^нтъ,
трупия себѣ дѣляче,
галици рѣчь говоряхо^нтъ,
хотять полетѣти
на кроваво уѣдие.

То было во тыѣ рати –
сищей рати не слыхати.

С зарания до вечера,
со вечера до утра
лете^нтъ стрѣлы коленыѣ,
гримльо^нтъ сабли о шеломы,
треще^нтъ копыя харало^нжны
(далечь) в поли невѣдомѣ,
средь земли Половецкыѣ.
Черна земля под копыты
костьми была посѣяна,
а кровию поляяна,
тоскою взошла
Руская земля!

Что ми шумить, что ми гремить
далече перед зорями?
Не шум шумить, не гром гремить,
И^нгорь воѣ завертаеть,
жаль бо ему мила брата,
мила брата Всеволода.
Бишася день, бишася друг,
третьего дни ко полудни
пали сте^нзи И^нгорь-кне^нзя.
Ту се^н кне^нзя розлучиста
на березѣ рѣкы быстрой.
Кровава вина не доста,
ту пир трудный докончаста

хоробри мо^нжи русьстии:
сваты свои попоиста,
а сами со^нтъ полегоста
за землю Русьстию.

Ничить трава жалощами,
а дерево со то^нгою
ко земли приклонилося.
Уже бо, дронжино,
невеселая година
въстала нынѣ,
прикрыла силу пустыни.
Въстала обида-то^нга
во силах Дажьбожа вънука,
въступила дѣвою (судиною?!)
на землю стара И^нгоря,
плеще крылом лебѣдиным
далече на море синѣмь,
плещучи, убуди намь
печальную годину.

Сѣча намь на ворожду,
рекоста бо брат б^нрату:
се мое, а то мое же.
И наче^нша про малое
«се великое» молвити.
А кне^нзи на себе сами
коваху коромолу,
а погани со всѣх сторон
побѣдами
рищуть на Руську зем^елю⁴.

О, далече зайде кречет
птиць бия — ко морю синю,
а И^нгоревы дро^нжины
хоробры не крѣсити.

Воскликну Карна и Жъля
поскочи по Руской зем^ели,
смагу людем мычучи (нося?)
во поломянѣ(м?) розѣ⁵.

Женамь руским восплакати:
Уже нам своих милых лад
ни мыслию сомыслити,
ни думою содумати,
ни очима согле^ндати,
ни ушима услыхати,
а золота и серебра
ни мало того собрати.

Киев то^нгою востона,

а Чернигов напасть[е]ми,
тоска розлился
по Руской земли,
печали жирны потекли
среди Рускыѣ земли.
А кне^нзи на себе сами
коромолу коваху,
а погани побѣдами
рищуть на землю Руську,
половци емляху дани
по бѣлѣ ото двора.

Тии бо два хоробра
брата Све^нтославлича,
И^нгорь и Всеволод (къне^нзя?),
уже горе убудила,
которое бяше успил
отець их Све^нтослав грозный,
къне^нзь киевский великий.
Грозою бяшетъ притрепал
своими сильными полкы
и харало^нжными мечи.
Вступи в землю Половечьку,
стопта горы и яругы,
взмо^нти озѣра и рѣ(ч)кы,
иссуши блата и потоки,
а поганого Кобяка
изъ ло^нку моря
от Желѣзных Ворот
яко вихорь выторже.
И паде ся Кобяк
во городѣ Киевѣ,
во гридници Све^нтослави.

Ту нѣмци и венедици,
ту г^нреци и морава
пойо^нть славу Све^нтославу,
кайо^нть И^нгоря-кне^нзя,
иже жир погро^нзи
во дънѣ Сюрлия,
рѣчки половечьскыѣ,
руска золота
насыпаша ту.
И^нгорь кне^нзь высѣдѣ
изо золота сѣдла
а во сѣдло невольничье.
Грады велия уныша,
а веселие пониче.

А Све^нтослав сон вѣчии
видѣ в Киевѣ давѣча.
Синочи со вечера

одѣвахо^нть мя, — рече, —
черным покрывалом
на тисовѣ кровати,
черпахо^нть ми сине вино
со слезами сомѣшено,
сыпахо^нть тощим колчаном
половецких толковинъ
жемчуг великий на лоно
и нѣгують мя сынове.
Уже доски без кнѣса
во теремѣ златоверсѣм.
В сю ночь бусови <бо сини?> ворони
возграяху на болони,
бѣгоша (биша? бѣсишася) дебрьски сани
<биша два брата кне^нзя?>,
несошася к синю морю.

Рькоша кне^нзю бѣляре:
«Ўже туга ум полонила,
се два сокола сълетѣла
с отнего золота стола
искати Тьмутороканя,
испити шеломомъ Дона (Доньца?).
Уже соколома крыльца
припѣшали со^нть половци,
а самую опо^нташа
во желѣзные по^нтины.

Темно бо бѣ третьего дъни:
два сол^нца померкоста,
оба столпа погасоста^б,
и молодая мѣсе^нца,
Володимер и Све^нтослав (Олег и Свято-
слав князя?),
тьмою ся поволокоста
и во море погро^нзиста,
и великое буиство
половцам подаста.

На рѣцѣ на Каялѣ <Сюрлии?>
облаци свѣт покрыли:
по Русьскеи по земли
половци ся простерли,
акы волци во поли,
акы г(ъ)нѣздо пардуже.

Снесся лъжа на хвалу,
треснуся нужа на волю,
вержеся Див уж(е) на землю.

Се бо готскы дѣвици
вспѣша на березѣ

синю морю у Дону,
руским золотом звоня,
пойо^нть годину поганых,
лелѣйо^нть месть Шароканю.

А мы, велия дро^нжина,
жадни веселия, вина».

Тогда грозныи Све^нтослав
изрони злато слово,
слезами смѣшено, рече:
«О моя сыновь[е]чя,
И^нгорю и Всеволоде!
Отвориста ворота
на Рускую на землю,
на жизнь[е] на Въ[е]сславлю.
Рано еста поче^нла
Половечскую землю
саб^слями скепати,
а себе славы искати.
Но нечестно одолѣсте,
нечестно бо кровь прольясте.
О, дорогая сыновця!
Ваю хоробрая сердца
во булатѣ закована,
во буести закалена.
Се ли сотвористе нынѣ (мь[е]не?),
моей сребренѣй сѣдѣнѣ?»

А уже не вижу власти
сильного и богатого
и многовая брата
моего Ярослав
с черниговскими ббляры,
и с могуты, и с татраны,
и с топчаки, и с шельбиры,
и с ревугы, и с ольберы.
Тии бо бес щитов с ножами
кликомъ полкы побѣжаютъ,
звонячи в прадедню славу.
Но рекосте: «Мужаймѣся: <Но му-
жаймѣся сами:>

Передню славу похитим,
а задню сами подѣлим».
А чи диво, мои дѣти,
старому помолодѣти,
а молоду честь добыти?
Коль сокол в мытѣх бываетъ,
высоко пѣтиць възбиваетъ,
г^ннѣзда не дасть во обиду.
Къне^нзи ми не пособиша,
время <годину> на ничь обратиша.

В Римѣ криче^нть под саблями половець-
скими,
Володимир под ранами <те^нжкими>.
Тоска и то^нга
Глѣбову сыну <Глѣбовичу>!

Велик кне^нже Всеволоде!
Не мыслью ти прилетѣти
стрѣл^ккою издалеча,
отня стола постеречи.
Ты бо можеша Вол^огу
веслы роскропити,
а Донъ Великий шеломы
роплескати?
Была б чага по ногатѣ,
а связь[е]ни по рѣзани.
Ты бо можеша посуху
стрѣляти живыми шерешеры
<стрѣлки?> –
Глѣбовичи удалыми.

Буй Рюриче и Давыде!
Не ваю ли вите^нзи
шеломы злаченными
по крови плаваша?
Не ваю ли мо^нжи смѣли
рыкають, акы звѣри,
ранены саб^слями
во поли невѣдомѣ
среди земли Половецкыѣ?
<Не ваю ли златы шеломы
по крови плаваша?
Не ваю ли храбра дро^нжина
рыкають, акы тури ранени,
саб^слями коленными>
То не тури побѣжени,
мужи русьсти посѣчени.
Восто^мпита, господина,
во золотая стремена,
за обиду сей години,
за землю стара И^нгоря,
за раны И^нгоревы,
славного Ольговича!

Ярославе Осмомысле!
Сѣдиши на своемъ столѣ,
подперши горы О^нгорскы
своими сильными полкы,
заступив королеви по^нть,
затворив Дунаеви ход,
меча стрѣлки под облакы,
со^нды ре^ндя до Дуная.

грозы твоя по землям теко^нть,
отворяешь Киеву врата
стрѣляешь со стола злата
за землями сал^отани <Саладина?>.
Стрѣлай нынѣ, господине,
Кончака, погана кощия,
за землю Русьсчию,
за раны И^нгоревы,
буге Све^нтславлича!

Буй Романе и Мстиславе!
Съмѣлая мысль носить вашъ
ум на дѣло, плаваеши
во буести высоко,
ширяся акы сокол,
хотя бѣлыѣ лебеди
во буиствѣ одолѣти.
Ваю желѣзны вите^нзи <по(д)про^нзи?>
под шеломы латинскими.
Трѣсну зем^ѣля, ст^ѣраны мьнози –
Хынова, Литѣва, Ятве^нзи,
деремела и половци –
сулицы своя повъргоша,
а головы <плечи свои?> подклониша
под мечи харало^нжныѣ.
Но уже, кне^нже, И^нгорю
утерпѣ сол^онцю зоря,
а древесна не добромъ
листвие вьсе срониша,
по Рьси и по Сю(у)рлию
города-вьси подѣлиша.

О, далече зайде кречет,
птиць бия — ко морю синю,
а хоробра И^нгорева
полку (рати?) не крѣсити.

Дон ти, кне^нже, кличь
зоветь кне^нзи на побѣду.
Смѣли кне^нзи Ольговичи
доспѣли на боронь (во поход).
Ингварь[е] и Всеволод,
и вси трие Мстиславлича,
хоробрии шестокрильчи,
непобѣдными жеребии
росхытитесте власти себѣ?
Кое ваши золоти
шеломы и щити!
Затворите ворота
полю стрѣлами острыми
за землю Русьстию,
за раны И^нгоревы,

храброго Све^нтславлича.

Уже бо Сула не тече
ст^ѣро^нжем серебряным
к городу Перее^нславлю,
и Двина болотом тече (Двина течеть бо-
лотами)

оним грозным полочаном
подо кликом полувечьским.
Изе^нслав один, сын Васильков,
позвони острыми мечи
о шеломы полувечьскы,
притрепа ве^нчую славу
дѣду своему Вьсеславу,
а сам под щиты чрлеными
на ковыль-травѣ кровавѣ
притрепан вражьими мечи.
И съхно^нти юнѣ крови,
а дро^нжину твою, кне^нже,
птиць крылы приодѣша,
а звѣри кровь полызаша.
Несть ту брата Бре^нчислава,
ни другого Всеволода (Всеслава [Гуд-
зий 1952, с. 65]).

Один же душу изрони (испусти?)
изо хоробра телеси
чрез золото ожерелие.
Уныша нынѣ голоси,
понице нынѣ веселие.
Тро^нбы тро^нбе^нть во Городнѣ (ср. [Не-
розник 1983, с. 62]).

Вси Ярославли вьнуци
и вси Всеславли вьнуци!
Сте^нгы черлены понизить,
мечѣ вережены вонзить –
уже бо вы выскочите
из дѣднѣѣ славы, чести.
Вы своими крамолами
наводите бо половци
на землю Ярославлю,
на жизнь Вьсеславлю.
Которою насилие
от землѣ Половецкыѣ!

На седьмом вѣцѣ стара И^нгоря
вереже Всеслав жеребий
о дѣвицю любу себѣ.
Тои же Всеслав хытростию
Подоперся о копия (кыяне),
скочи к городу Киеву,
и дотъчеша стро^нжем

золота стола Киевска.
<На седьмом вѣцѣ Трояни
верезе Всеслав жеребий
о дѣвицу любу себѣ.
Тои подперся о кыяне,
скочи к городу Киеву,
и дотъчеса стро^нжием
золота стола Киевска >
От них скочи акы пардус
в полуночи йз Бѣлаг^нрада,
обѣсися синѣ мьглѣ,
о^нтрѣ же възне^нсе^н, съ три ко^нсы <кра-

ты?>

отвори врата Новуграду,
росшибе славу Ярославу,
скочи волком до Немиги.
Съдѣлал ток на Немизѣ:
снопы кладо^нтъ головами,
чепы млате^нтъ харало^нжными,
на тоцѣ живот стело^нтъ,
вѣють душу от тѣлесе.
Немизѣ кровавѣ брезѣ
посѣяни не бологом,
посѣяни головами
руских сыновъ.

Всеслав кне^нзь людем со^ндяше,
кне^нзем города ре^ндяше,
а сам в ночь вол^оком рыскаше:
из Києва дорыскаше
до куръ <петухов? стен? византийско-
го? митрополичьего?> Тьмуторъканя,
великому Хоръсови
вол^оком по^нтъ перерыскаше.
Во Полотскѣ позвониша
зао^нтрено зарания
у све^нтыѣ (у) Софиѣ
во колоколы вѣчныѣ –
а он в Києвѣ звон слыша.
Аче и вѣчая душа
во друзѣ тѣлеси со^нща <су^нща>,
но часто бѣды <горем> страдаше.
Тому первое го^ндецъ вѣчий
припѣвку смысленый рече:
«Ни хытру, ни просту,
ни го^ндьцю горазду
со^нда Божья не мино^нти».

О стонати, поме^ннувше
первую годину
и первых кне^нзей.
Стара <грозна?> Володимера-кне^нзя

пригвоздити бо нельзѣ
ко киевским горам.
Сего бо нынѣ сташа
Рюриковы сте^нзи,
а друзии (дро^нжины?) Давыдовы,
но розно се^н сте^нзи пашо^нь.

Жены (дѣвици?) пойо^нтъ на Дунаи (за
Дунаем?) –

Ярославнын голос слышо^нтъ.
Пѣтицею незнаемою
во Пу(о^н?)тивли рано кличь.
Полечю зегзицею, рече,
по Дунаеви по рѣ(чъ)цѣ,
омочю рукав бѣбрянъ
во рѣцѣ во Каялѣ (Сюурлиѣ?),
утру кне^нзю кровавы раны
на жестоцѣм его тѣлѣ.

Ярославна плачь рано <утрѣ?>
во Путивли на забралѣ,
ркучи: «О вѣтре, вѣтриле!
Чему вѣеши насильно,
мѣчеши⁷ хыновъскы <половчскы?>

стрѣлки

на своею нетрудною крильцю
на полкы И^нгоревы?
Мало ли ти бяшетъ горѣ
вѣяти под оболoky,
лелѣючи корабли
далече на сини мори?
Чему мое веселие
по ковылию развѣя?»

Ярославна плачь рано
во Путивли на забралѣ
а ркучи:
«О Днѣпре Слово^нтичу!
Ты пробил каменны горы,
протек(л) землю Половечьску,
Ты лелѣял на себѣ
Све^нгославлѣ насады
до Кобякова пол^оку.
Возлелѣи, господине,
мою ладу ко мнѣ,
а бых (абы?) не слала к И^нгорю
слез рано на море».

Ярославна плачь рано
во Путивли на забралѣ:
«Сол^онце свѣтло и тресвѣтло!
Всѣм еси красно-тепло.

Чему, господине, простъре,
горячую свою лучю
на И^нгоревы воё?
Во пустыни безводнѣ
жажею им ло^нкы спре^нже,
то^нгою им тулы затъче.

Прысну море полуночи,
идо^нть (виснуть?) с моря оболочи.
И^нгорь-кне^нзю Бог по^нть кажет
изо земли Половечьскы
на зем^лю Русьстию,
к отню золоту столу.

Погасоша вечеру сол^онце,
И^нгорь съпить — И^нгорь бѣдить,
И^нгорь мыслию по^нть мѣрить
от великого Дону
до малого Доньца.

Комонь в полуночи рѣже —
Овлурь <коман?> свисну за рѣкою,
велить к^не^нзю розумѣти:
к^не^нзю И^нгорю не быти
во половцѣх во полоне.

Стукну земля,
въсшуме поля,
вѣжѣ се^н половецкыѣ
во поли подвигошасе^н.
А И^нгорь-к^не^нзъ поскочи
сѣрым волком в полуночи,
горносталем ко тростию (ко броду),
бѣлым гоголем к устию (на воду).
Возвержеся на борз комонь,
и поскочи босым волкомъ,
и потече к лугу Доньца,
и полетѣ кречетом,
избивая о^нток и лебедей
и за^нтроку⁸ и обѣду.
И^нгорь полетѣ кречетом,
Тогда Влур волком потече,
труся собою
росу студеную,
претргоста бо своя
борза комоня.

Донець рече: «И^нгорь-кне^нже!
Не мало ти величия,
а Кончаку нелюбия,
Руской земли веселия».
И^нгорь рече: «О Донь[e]че!

Не мало ти величия,
лелѣяв кне^нзя на волнах,
стлав ему зелену траву
на серебряных березѣх,
одѣвав теплыми мглами (облакы?)
под сѣнью зелену древу (древесе),
стережаше его вездѣ —
бѣлым гоголем на водѣ,
чаицами на струзѣх,
чернядь[e]ми на вѣтрѣх.

Не тако ли (чи не тако?) рѣка Стугна:
имѣючи худу струю,
сжерши чужи ручьи й стругы,
розсторена ко устию?
Уна кне^нзя Ростислава
затвори днѣ при березѣ.
Плачеть мати Ростиславля
по уноши младѣ кне^нзи.
Ничить трава жалобою,
и дерево со то^нгою
ко земли приклонилося.

Не сорокы вѣстрѣскоташа —
на слѣдѣ И^нгоря-к^не^нзя
ѣздить Коза со Кончаком.
Тогда врани не гракахо^нть,
галицѣ помол^окоша,
сорокы не трѣскоташа,
полозие пол^озоша.
Только де^нтлове тектом по^нть
ко Донови-рѣцѣ кажо^нть
соловьи весело пой^нть,
сол^онца свѣт повѣдай^нть.
Молвить Коза Кончакови:
аже сокол к гнѣзду летить,
сокольца рострѣляевѣ
золочеными стрѣлами.
Тогда Кончак Козѣ молвить:
аже сокол к гнѣзду летить,
сокольца опутаевѣ
вѣ красною дѣвицею.
Рече Коза Кончакови:
аче ^нго опутаевѣ
вѣ красною дѣвицею,
то почно^нть наю птицѣ
бити в поли половецькомъ,
ни нама будеть сокольца,
ни нама красны дѣвицѣ.

Рекъ го^ндець исходъ инь —
Све^нтославля к^не^нзя <го^ндця?>.

пёвецъ старыѣ години
Ярослави, Ольговы:
«Къне^нжа хоти! те^нжко ти
головѣ кромѣ тѣлеси,
зло тѣлеси без головы».
Руси горе бес И^нгоря.

Сол^онце свѣтлѣе въ небеси –
И^нгорь-къне^нзь въ све^нтой Руси.
На Дунаи пой^нтъ дѣвици –
чрез море вьй^нтъся голоси
до Кыева стольна города.
И^нгорь ѣдетъ по Боричеву
ко све^нтеи Богородици,

Богородици Пирогошей.
Гради <городи?> ради, въ[е]си весели.

Пѣвше пѣсни старым кне^нзем,
пѣти нынѣ младым почнем <пѣсни> –
И^нгорю Све^нтославличу,
буи туру <вите^нзю?> Всеволоду,
Владимиру И^нгоричу!
Здрави кне^нзи и дро^нжина,
побарая за христьяны
на половцѣ на поганы!
Кне^нзем слава а дро^нжинѣ.
А-ми-нь[е].

¹ Ср. о Горе-Злочастии!

² Ср. *О светло светлая / и украсно украшена / земля Русская* [< *земля Руси! // И многими красотами / удивлена еси («Слово о погибели русской земли»)].

³ Ср. в Ермолаевском списке Ипат. «яко стѣнами силными, тако ограждены <в списке Яроцкого окружны> бяху полки половецкими», «и обступиша и мнози половци» (летопись по [Зимин 2006, с. 464]).

⁴ Ср. *Почто губимъ Рускую землю, сами на ся котору имуце? а Половци землю нашу несутъ роздно, и ради суть... Зло въстанеть в насъ, и начнетъ братъ брата заколати, и погыбнетъ земля Русьская, и врази наши Половци пришедъше возмутъ землю Русьскую* (Ипат. 1097).

⁵ Ср. в летоп. перед походом Игоря в солнци учинися яко мѣсяць, из рог его яко уголь жарав исхожаше.

⁶ Ср. *А потухло у нас сонцѣ красноѣ, // А помѣркла звезда поднебесная: // Как наехало проклятоѣ чудишию* [Илья Муромец 1958, с. 165].

⁷ *Мычеши от мѣчеши* [Зимин 2006, с. 489]. Такая замена, очевидно, облегчалась произношением «ять», близким к «и».

⁸ Допущение в неэтимологизированном слове *утро* первоначального носового позволяет связать его с греческим *antraks*.